

Глава 16 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция? — Стихийность. — Заговоры — действительные и воображаемые. — Разжигание или предвосхищение революции. — «Революция генерал-адъютантов».

§ 1. Революция?

Отречение великого князя Михаила и обнародование манифеста, заложившего конституционную основу Временного правительства, завершили событие, известное в истории под названием Февральской революции. Совершился переход от самодержавного правления Николая II к диктатуре Временного правительства. С точки зрения либералов, как, например, Милюков, Маклаков и Нольде, революция кончилась, но для революционеров типа Керенского она только начиналась.

Поэтому нет никакого чудачества в том, чтобы задаться вопросом: действительно ли в феврале 1917 года в России произошла революция? Чудачеством это может показаться только тем, для кого вопрос о революции не более важен, чем вопрос о погоде. «Действительно ли в феврале 1917 года в Петрограде была метель?» Тут можно ответить утвердительно, и таким образом будет выражена суть дела. Не то в вопросе о революции. Простое «да» или «нет» сообщит нам не о том, что такие-то и такие-то события имели или не имели места, из такого ответа мы узнаем скорее, как отнесся к ним говорящий: считает он, что сбылись его упования и надежды (либо опасения и тревоги), или нет. В качестве ответа на вопрос о революции «да» и «нет» выражают глубокое внутреннее отношение к политической и социальной реальности этого момента, а не мимолетное ликование, которое тогда испытывал чуть не каждый. Чувство подъема, которое охватило почти всех российских граждан после двух отречений и сообщения о создании Временного правительства (так что генерал-губернатор Ташкента Куропаткин и эсэр Зензинов описывали свои переживания почти в одних и тех же выражениях), отнюдь не говорило о том, что все отнеслись к февральским событиям одинаково.

Одни испытывали облегчение от того, что дело не дошло до резни, других радовала перспектива грядущих перемен. Последние были уверены, что освобожденный от векового рабства народ готов сыграть свою роль в мировой истории человечества. Поэтому было бы заблуждением считать, что народ принял и приветствовал Февральскую революцию 1917 года. Народ принял и приветствовал то, что далеко не всегда мог определить или членораздельно выразить. Без настоящего анализа этого глубоко эмоционального восприятия событий мы просто не сможем

понять особой, неотмирной терминологии революционных деклараций о «защите завоеваний революции», мы не поймем призыва к «дальнейшему углублению революции» и т. д. и т. д. Но это выходит за пределы нашей задачи. Это относится к темной и трагической истории российского Временного правительства, которая началась 4 марта и окончилась 25 октября 1917 года его арестом, после чего власть захватил Ленин и его приспешники.

Но следует заметить, что под действием той же самой волны эмоций воспринимали события те, кто находился в их непосредственном центре. Кн. Львов, Родзянко и Милюков, утверждая в подписанной ими 2 марта декларации, что Временный Комитет Государственной Думы одержал победу над «темными силами старого режима» «при содействии и сочувствии столичных войск и населения», прекрасно знали, очевидно, что это совсем не так. Это утверждение есть, таким образом, проекция их желания сделаться главенствующим фактором народного восстания, инициаторами и вождями которого они не были до тех пор, пока толпа рабочих, солдат и интеллигентов не наводнила Таврический дворец и не потребовала, чтобы их выслушали, распропагандировали, организовали и наполнили их действия политическим содержанием.

Понадобилось несколько лет, чтобы в историческом анализе Милюкова ослабло влияние революционной фразы. В «Истории русской революции», написанной весной —летом 1918 года, утверждалось, что монархию свергла Дума. С годами это утверждение получило некоторые коррективы, но совершенно освободить свое историческое мышление из-под власти того политического жаргона, который владел им в феврале 1917 года, Милюкову не удалось. Может быть, для этого нужно было еще больше времени, а может быть — это вообще выше человеческих сил. Хотя другой историк русской революции, С.П. Мельгунов, яснее видевший опасности, грозящие очевидцу событий, который взялся написать их историю, почти вовсе перестал испытывать влияние этого жаргона и смог объективно отнестись к псевдо-истинам, вроде той, что «27 февраля на улицах Петрограда победила революция». Он много потрудился, чтобы установить происхождение некоторых легенд. Но и ему не удалось отделаться от одного рокового заблуждения, которое, к сожалению, завладело воображением также и западных историков, и которое совершенно необходимо развеять, — я имею в виду легшее в основу многих работ представление, что русская революция была «стихийна».

§ 2. Стихийность.

Парадоксальным образом именно те, кто усматривал в февральских событиях исполнение своих пророческих революционных предначертаний, одинаково отказались и от ответственности, и от чести приписать себе революционный почин. Это, в частности, относится к революционным партиям, включая тех немногочисленных большевиков, которые занимались подпольной деятельностью в России. Их позиция как раз и внушила мысль, что Февральская революция произошла «стихийно». Так, во вступительной части книги «The Bolshevik Revolution 1917–1923» Карр пишет:

Февральская революция 1917 года, которая свергла династию Романовых, была стихийным взрывом масс, приведенных в отчаяние лишениями военного времени и явным неравенством распределения тягот войны. Революцию приветствовали и использовали широкие слои буржуазии и служащих, потерявших веру в автократическую систему правления и особенно в царя и его советников; из этого класса населения и было составлено первое Временное правительство. Революционные партии не играли непосредственной роли в революции. Они не ждали ее и она привела их в некоторое замешательство.

Мы согласны с Карром относительно пассивного отношения революционных партий к февральским событиям 1917 года, но дает ли это основания считать, что движение масс было стихийно, т.е. не было спровоцировано извне?

Говоря о «стихийности», автор хочет подчеркнуть, что «отчаяние и лишения», выпавшие во время войны на долю народных масс, создали ту степень их сплочения и целенаправленности, которая необходима для успеха политических акций. Слово «стихийный», в том контексте, в котором оно употребляется Карром, означает, что на «явное неравенство в распределении тягот» массы были расположены реагировать организацией демонстраций масштаба петроградского восстания. Если такая тенденция действительно была, то она должна была ощутимо проявиться и в других городах России, где «неравенство в распределении тягот» было то же самое. Более того, если бы такая тенденция была у петроградского пролетариата, то она должна была вылиться в согласованные и целенаправленные выступления рабочих в последующие месяцы. На самом же деле во время войны, везде, кроме Петрограда и, может быть, одного или двух промышленных центров, наблюдается именно полное отсутствие какой-либо склонности рабочих масс к согласованным и целеустремленным политическим действиям, точно так же, как в послефевральский период этой тенденции не видно и у петроградского населения в целом. Поэтому безосновательно

было бы думать, что «стихийность» и есть та особая субстанция, которой можно объяснить размах февральских событий в Петрограде. Теория «стихийности» просто прикрывает наше незнание.

§ 3. Заговоры — действительные и воображаемые.

Были попытки объяснить успех февральского восстания причинами менее расплывчатыми, чем «стихийность». Мы можем указать на три.

Прежде всего, считалось, что восстание в значительной степени явилось результатом дьявольских козней протопоповской полиции. Предполагали, что Протопопов прибег к той же уловке, что и его предшественник Дурново, о котором говорили, что в 1905 году он спровоцировал рабочее восстание, чтобы подавить его силой оружия. Эта теория смыкается с легендой о «протопоповских пулеметах», которые якобы были установлены на крышах петроградских домов, чтобы обстреливать рабочие демонстрации. Об этом уже говорилось. Конечно, во время февральских событий никакие демонстрации ни с каких крыш не обстреливали. Число тех, кто был ранен в течение, как пишет Ленин, «недели кровопролитных боев между рабочими и царской полицией», было сравнительно невелико, если принять во внимание, что на улицах оказались сотни тысяч людей, и большинство пострадавших стали жертвами нескольких столкновений между армией и толпой, которые действительно имели место 26–28 февраля. «Протопоповских пулеметов» просто не существовало. Так что вместе с пулеметами уходит в небытие легенда о полицейской провокации как главной причине демонстраций.

Это не значит, что полиция была не способна на провокации. У нее были осведомители в разных революционных организациях, полиция следила за их деятельностью и даже до известной степени ими манипулировала. Однако министр внутренних дел совсем иначе собирался использовать свою осведомленность о рабочем движении, чем об этом говорит теория полицейского заговора. Протопопов через своих агентов действительно поощрял распространение экстремистских и пораженческих идей Циммервальда и Кинтала среди рабочих военно-промышленных комитетов. Но план его состоял в том, чтобы в благоприятный момент ударить по самим военно-промышленным комитетам. Он считал, что пораженческая пропаганда среди рабочих бросит тень на руководителей военно-промышленных комитетов и дискредитирует их в глазах общественности. Никакого намерения провоцировать уличные демонстрации не было, и полиция не была подготовлена к такому повороту событий. Напротив, одна

мысль, что на улицах Петрограда могут быть убитые и раненые, приводила министерство внутренних дел в ужас.

Косвенно, однако, министр внутренних дел содействовал вспышке демонстраций. Арестовав лидеров рабочей группы военно-промышленного комитета, он удалил именно тех людей, которым в феврале 1916 года удалось остановить стачечное движение в Петрограде. Лишившись авторитетного руководства со стороны меньшевистских лидеров рабочей группы, рабочие массы, раздраженные арестом, стали более восприимчивы к пропаганде забастовок, от кого бы она ни исходила.

Некоторые исследователи Февральской революции склонны считать, что она явилась результатом заговора оппозиции, которая отчаялась добиться конституционных реформ легальными средствами. Согласно этой точке зрения, массированная кампания обличения, направленная против царского правительства, царя, царской семьи и ближайших советников императора, открыла прямой путь петроградскому восстанию. Эта теория малоубедительна, хотя и не так невероятна, как может показаться на первый взгляд. Борьба за власть, которую либералы вели с правительством, достигла предельного напряжения. Либералы, политическому продвижению которых способствовали успехи (или, скорее, неудачи) фронта, начали терять почву под ногами. Победа, одержанная с помощью союзных стран до конца 1917 года, могла опрокинуть все их аргументы и дать правительству возможность без труда расправиться с ними их же оружием.

Однако нельзя утверждать, что «заговор оппозиции» был причиной петроградского восстания. Ибо не только нет доказательств тому, что какая-нибудь из либеральных организаций призывала рабочих к стачке, но совершенно очевидно, что либералы готовили прямую политическую акцию, никак не связанную с восстанием, и что восстание фактически их опередило. Гучков и его пособники разработали основательный план дворцового переворота. В случае успеха, Гучков мог добиться власти при обстоятельствах с его точки зрения гораздо более благоприятных, чем те, которые сделали его министром Временного правительства. Переворот должен был произойти в середине марта, но февральские события застали заговорщиков врасплох. План Гучкова, как и другие сходные с ним планы переворота, по самому своему существу был несовместим с массовым восстанием, которое произошло в феврале. Но — хотя и косвенно, хотя и непреднамеренно — заговор обеспечил успех массовому движению. Либеральные круги, и в Думе, и в общественных организациях, разжигая антиправительственную пропаганду, поддерживая слухи об измене в высших сферах,

подстегивая раздражение публики и направляя его прошив «немки» и царя, — до того накалили страсти, что свержение царского режима показалось освежающей бурей.

Гучков, вероятно, способствовал успеху народного восстания еще более прямо. Как мы видели, выступление солдат петроградского гарнизона было частью его плана. Гарнизон должен был поддержать новое правительство «народного доверия» и нейтрализовать всякое сопротивление старого режима, после того, как царя вынудят подписать акт об отречении или равноценный ему документ на какой-нибудь незаметной станции между Петроградом и Могилевом. Вполне возможно, что именно участие в заговоре нескольких их товарищей сбilo с толку весь офицерский состав петроградского гарнизона. Когда 26–27 февраля понадобилась боевая четкость, ее не оказалось, потому что многие офицеры не совсем понимали, на чьей они стороне. Отречения Николая II ждали вот-вот, но реальные обстоятельства его настолько отличались от тех, к которым готовились заранее, что офицеры не знали, что предпринять. Успех солдатского восстания в Петрограде в значительной степени можно объяснить колебаниями офицеров и тем, что в критический момент их не было в казармах. Таким образом заговор Гучкова способствовал «успеху» петроградского восстания, но это не дает оснований считать заговор его «причиной».

Что касается третьей «заговорщической» теории петроградского восстания, то в ее обоснование, полностью ее разделяя, вносим свою лепту и мы. В частности, в главе о германском вмешательстве. Подозрение, что за кулисами восстания стоят немецкие агенты, так же старо, как и сами события, а может быть и еще старше — царское правительство задолго до петроградского восстания кое-что знало о влиянии немцев на русское революционное движение¹. Но лишь недавно обнаружались данные, которыми это подозрение можно подтвердить. Теперь точно известно, что с самого начала войны правительство Германии проводило т.н. «*Revolutionierungspolitik*», и существенной частью этой политики была поддержка экономического стачечного движения, которое в конце концов выльется в политический переворот. Главный теоретик этой политики, Александр Гельфанд, полагал уже в 1916 году, что страна созрела для революции. Нам доподлинно известно, что до весны 1916 года правительство Германии расходовало значительные суммы на поощрение стачечного движения в России. Относительно последующих месяцев 1916 года и начала 1917 года прямых доказательств подстрекательской деятельности немецких агентов в России не имеется. Однако безумием было бы отвергать наличие этого фактора и его влияние на события 1917 года, которые приняли именно ту форму, которую Гельфанд предсказывал еще весной 1915 года. Разумно либо предположить, что успеху восстания в феврале 1917 года

способствовала работа тех же агентов, которые спровоцировали «пробный ход» за год до этого, либо допустить, что восстание было результатом прямого развития заложенных в 1916 году основ.

Революция, которая повлекла за собой свержение царского режима, была максимумом, на который могли рассчитывать немцы, занимаясь во время войны организацией и поддержкой рабочих беспорядков в России. Подрыв военной экономики, вызванный частыми и длительными забастовками, они рассматривали как само по себе достаточное оправдание поддержки, оказываемой ими Гельфанду и ему подобным. Революция свалилась неожиданной удачей и на веривших в нее, и на не веривших, и вызвала необходимость радикально пересмотреть политику Германии. Теперь задача состояла не столько в том, чтобы ослабить Россию как противника, сколько в том, чтобы добиться сепаратного мира. Снова руководствуясь планом Гельфанда, немцы решили, что для этого лучше всего помочь прийти к власти большевикам, единственной значительной партии новой России, которая готова подписать мир. Развал производства тоже можно было предоставить большевикам, которые займутся им в рамках классовой борьбы. Профессиональные немецкие агенты продолжали организацию военного саботажа, который для Гельфанда всегда был неотделим от стачечного движения. Но чрезвычайно тонкие и сугубо тайные нити, связывавшие Гельфанда с русским забастовочным движением, можно было рассечь, а документы уничтожить. Вот почему так мало документальных доказательств этих связей.

§ 4. Разжигание или предвосхищение революции.

Народные волнения и мятеж петроградского гарнизона только потому кончились крушением монархии, что, как правильно замечает Карр, либеральные круги решили воспользоваться событиями, чтобы добиться радикальных политических реформ. Антиправительственное народное движение, которое сначала ограничивалось столицей, могло вызвать только гражданскую войну, исход которой был бы так же проблематичен, как исход революции 1905 года. Однако либералы не решались воспользоваться народным движением для захвата власти и образования Временного правительства до тех пор, пока не стало ясно, что царское правительство не сможет подавить восстание при помощи расположенных в столице частей.

Осуждая и дискредитируя самодержавие на протяжении многих месяцев и даже лет, либералы систематически, хотя и непреднамеренно, пролагали путь восстанию и

склоняли страну признать, что уничтожение царской власти необходимо. Эту кампанию можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, ее зачинщики основывались на том, что самодержавие как форма правления устарело и обречено на гибель — по примеру западных стран. Считалось, что по какому-то непреложному историческому закону современное общество, т.е. русское общество, каким оно стало после 1905 года, должно перейти от самодержавия к конституционной монархии, причем власть сначала будет передана образованному и имущему классу, а затем, в процессе постепенной демократизации, — всему народу. Десятилетия советского режима показали, что нет оснований ни для аналогии с западно-европейскими монархиями, ни для того, чтобы считать, что самодержавие в России устарело, так как оно продолжало существовать и после революции. Простой факт, что в течение многих лет, которые прошли после революции, Россией самодержавно правили три столь разных по характеру и происхождению человека, скорее подкрепляет ту точку зрения, что есть какие-то глубокие причины, в связи с которыми в России так легко укореняется единоличная власть. Пусть принцип наследования власти заменило противоборство претендентов, которые пользуются и клеветой, и судебным убийством, — это не меняет дела. Настаивать на этих подробностях — не значит оказывать услугу самодержавию. Но и утверждать, что наиболее жизнеспособная форма правления есть также и наиболее прогрессивная, было бы слишком большой данью эволюционному оптимизму XIX века.

Во-вторых, исходя из недоказанной посылки, что самодержавие обречено уступить место постепенной демократизации, либералы, чтобы обосновать требование немедленной смены власти (невзирая на войну), осыпали царскую администрацию бесчисленными обвинениями в инертности, неспособности, неумелости, деспотизме и коррупции. Не будем останавливаться на том, насколько эти обвинения справедливы. Это не значит, что мы отрицаем недостатки царской администрации. Они очевидны, и сопоставимы с неразберихой и злоупотреблениями, которые имели место и в других воюющих странах. Но поскольку речь идет о либеральной оппозиции, недостатки правления рассматривались как фактор революционного воздействия, так как главный удар по режиму заключался не в том, чтобы выявить его традиционные и новоприобретенные пороки и слабости, но в том, чтобы объявить, что режим не в состоянии справиться с проблемами военного времени, пока он является самодержавным. Либералы утверждали, что абсолютизм вследствие своей неспособности не только ведет страну к гибели, он не проявляет ни желания, ни решимости вести страну к победе. В высших сферах замышляют измену, там готовят

позорный сепаратный мир — это стало символом веры на съездах общественных организаций и даже в Думе. Уверенность эта была так сильна и так захватала умы тех, кто призван был сыграть решающую роль в драме 1917 года, что ее не поколебало даже время. Она пережила многие другие заблуждения. Она фактически служила единственной опорой для тех, кто, ужасаясь последствиям своих решений и поступков, искал себе оправдания. Так, Родзянко в 1919 году ссылаясь на то, что в последние дни монархии на волю и суждения царя влияли темные и безответственные силы:

Влияние Распутина и всего кружка, окружавшего императрицу Александру Федоровну, а через нее — на всю политику верховной власти и правительства, возросло до небывалых пределов. Я не обвиняю утверждаю, что кружок этот, несомненно, находился под воздействием нашего врага и служил интересам Германии... Сомнений во взаимодействии германского штаба и распутинского кружка для меня нет; это не подлежит никакому сомнению².

Не может быть сомнения в печальном заблуждении бывшего председателя Думы. Распутинский кружок, или средоточие «темных, безответственных сил», как он их описывал, — никогда не существовал. Разумеется, влияние Распутина на императрицу нельзя преуменьшать, но ни вокруг нее, ни вокруг него не было никакого постоянного кружка. Вместо кружка, в который Родзянко просит нас верить, была грязная яма, в которой разные пресмыкающиеся пытались пожрать друг друга. Что касается германских властей, то они, как ни странно, медлили воспользоваться сложными интригами этих существ.

И однако именно легенда о заговоре «темных сил» была использована либералами для подрыва традиционной преданности монарху, а многочисленные и очевидные недостатки правительства и верховного главнокомандования сыграли тут роль гораздо меньшую. Трудно поверить, что люди, которые имели доступ к такому большому количеству информации, по совести могли верить слухам об измене в высших сферах. Но это вполне в духе тех фантазий, которым русская политическая оппозиция предавалась с начала века.

По мере того, как выяснялось, что Прогрессивному блоку и общественным организациям не удастся захватить власть, убедив царя отказаться от прерогативы назначения министров, — раздражение либеральных кругов принимало характер истерии. Речь шла о том, чтобы либо отказаться от политической борьбы, которая велась уже в продолжение почти целой человеческой жизни, и подчиниться общественной дисциплине, основанной на личной преданности монарху, либо

сокрушить эту преданность и поддержать насильственное свержение существующей власти. Первое решение оказалось самым трудным, потому что тех, кто его принял, немедленно обвинили в оппортунизме и измене делу прогресса. Второе решение нуждалось в моральном оправдании, которое трудно было найти в обыкновенной борьбе за власть, особенно во время войны. История об измене, с мрачными намеками на участие императрицы-немки, давала не только моральное оправдание, но и патриотический блеск тому, что реально было борьбой за власть. Вот почему, вместо того, чтобы заниматься настоящими недостатками правительства, либеральные круги занялись распространением слухов. Статьи, подобные маклаковскому «Безумному шоферу», и речи, подобные «штурмовому сигналу» Милюкова 1 ноября 1916 года, оказались в этом смысле таким успехом, на который авторы может быть и не рассчитывали.

Если слух возник, его трудно опровергнуть, особенно во время войны. Наличие цензуры только усугубляет распространение слухов. Если в печати появлялся простой намек на что-то такое, о чем запрещено было писать, то это сильнее разжигало воображение общества, чем обстоятельное изложение сути дела. Например, после убийства Распутана запрещено было упоминать его имя в печати, поэтому о нем писали — «лицо, проживавшее на Гороховой улице», и это больше создало легенд о Распутине, чем реальные сведения о его оргиях. Атмосфера ненависти и клеветы, которой в 1916 году были пропитаны обе столицы, пугала даже самих распространителей слухов³. Поэтому не удивительно, что потом, когда ложь стала для многих очевидной, когда прошел истерический транс, в который было ввергнуто русское общество, мемуаристы (немногие исключения составляют те, кто писал в Советском Союзе) пытались задним числом смягчить обвинения и свести все к тому, что смена власти была необходима не потому, что была злая воля, а из-за негодности монарха, его советников и всего режима.

Но разве можно поверить, что чувство обреченности, которое с осени 1915 года охватило русских политических деятелей, объясняется нудными пререканиями между правительством и общественными организациями, которые взаимно обвиняли друг друга в создании помех их патриотической деятельности? Общественные организации были, конечно, возмущены запрещением их всероссийских съездов, утверждалось, что это мешает им снабжать армию. Правительство, со своей стороны, отвечало, может быть, с большим основанием, что готово содействовать патриотическим усилиям общественных организаций, но не может позволить политических или прямо противоположных соборщ, особенно в военное время. Так что чувство

обреченности породил не повод пререканий, но скорее ожесточение, лежавшее в основе взаимных нападков и обвинений.

§ 5. «Революция генерал-адъютантов».

Как мы видели, в тяжбу между либералами и правительством были вовлечены и высшие военные власти, главным образом главнокомандующие фронтах. Генералов, особенно Алексеева, Рузского и Брусилова, часто обвиняют в том, что они были в заговоре с деятелями общественных организаций, которые хотели свергнуть Николая II. В доказательство приводится то, что государь сказал в Могилеве матери после отречения. Он жаловался, что Рузский, вынуждая его к решению, был груб и резок. Некоторые подозрения свиты вызвало накануне отъезда из Могилева поведение Алексеева⁴. «Косоглазый друг» государя произвел впечатление двуличного человека, потому что слишком легко поддался нажиму Родзянко и посоветовал главнокомандующим высказаться за отречение. Во всем этом есть доля правды, но не настолько значительная, чтобы, как это иногда делалось, говорить о «революции генерал-адъютантов». Во время войны генералы совершенно не вмешивались в политику. Не поддавались попыткам вовлечь их в борьбу общественных организаций. Неудачи 1915 года показали, что механизм снабжения армии очень несовершенен и может прийти в полную негодность, если не будет стабильности во внутренней политике. Нет никакого сомнения — главнокомандующие были в общем против того, чтобы в условиях войны происходили какие бы то ни было политические или конституционные перемены. В то же время они определенно полагали, что если перемены станут неизбежны, то надо приложить все усилия к тому, чтобы это не нарушило производства оружия и боеприпасов, доставки продовольствия и фуража и не повредило железнодорожному сообщению, от которого зависит боеспособность армии. Алексеев не выдал московских заговорщиков не потому, что разделял их взгляды, а потому что арест и суд над деятелями общественных организаций могли плохо отразиться на снабжении армии. На то, что сам государь знал о заговорах, нет определенных указаний, но и ему, очевидно, было гораздо больше известно о брожении в столицах, чем думали многочисленные советники, которые настойчиво и безуспешно пытались «открыть ему глаза» на настоящее положение дел. Очень вероятно, что о некоторых заговорах царь во всяком случае подозревал⁵. Но и он, как Алексеев, воздерживался принимать контрмеры, пока шла война. Генералы считали, что не их дело ловить заговорщиков. Алексеев вполне мог успокаивать свою совесть тем, что,

посоветовав заговорщикам отказаться от своих замыслов, но не выдав их, он не изменил присяге. Ему казалось, что с точки зрения успешного ведения войны лучше не провоцировать преследований прогрессивных деятелей, поэтому не следует доносить на них министру внутренних дел, а пусть лучше события текут своим чередом. Если дворцовый переворот удастся, то новая ситуация не создаст для армии серьезного кризиса. Если нет — участники погибнут на месте.

Когда начались волнения в Петрограде, Родзянко легко было убедить главнокомандующих, что Голицын не может справиться с ситуацией. Но 1 марта он пошел дальше, ему удалось уверить главнокомандующих, что если они смогут убедить царя отречься, то Комитет Думы все возьмет в свои руки и в течение нескольких дней восстановит порядок. Даже в этой кризисной ситуации генералы, в частности Рузский, не выражали никакого восторга по поводу отречения. Тем не менее, вполне понятно, Николай II был ошеломлен поведением Рузского. Когда «блуждающий поезд» приближался к Пскову, пассажиры его надеялись, что приближаются к тихой гавани, и что личное присутствие императора произведет магическое действие. Государь был вправе ждать, что главнокомандующий Северным фронтом первым делом спросит, какие будут приказания. Однако произошло совсем другое. Рузский считал, что революция — это совершившийся факт, поэтому ничего другого не остается, как согласиться на требования Думы и уполномочить ее представителей образовать новое правительство. Личные желания и предпочтения государя, очевидно, перед отречением даже не обсуждались. Заговорить об этом было бы бестактно со стороны генералов, ибо тон разговора был задан словами государя: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и спасения родимой матушки-России».

Но даже и тогда, когда было принято решение об отречении, генералы продолжали думать, что они помогают спасти монархию и династию. Только 3 марта, когда Родзянко заговорил о том, что надо задержать обнародование манифеста, генералы поняли, что с их помощью совершен государственный переворот, для которого, с военной точки зрения, нельзя было выбрать худшего момента. Противоположно тактике предшествующих дней, Родзянко ни словом не обмолвился Рузскому и Алексееву о переговорах, касающихся отречения великого князя Михаила. На то у него были веские причины. Он знал, что если бы с главнокомандующими посоветовались до того, как Михаил принял решение отказаться от престола, то они могли бы поддержать кандидатуру Михаила. Но генералов поставили перед совершившимся фактом, и для новой власти они уже были дискредитированы тем, что

слишком готовно согласились на такое политическое решение, которое теперь считалось одновременно и ретроградным, и бесплодным.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 16

¹ См. выше гл. 5, § 6.

² АРР, VI, стр. 44.

³ См., например, речь князя Львова, упомянутую выше, гл. 9, § 2 и далее, в которой он сказал: «Оставим презренное и ненавистное. Не будем растревлять ран души народной».

⁴ См. Воейков, ук. соч., стр. 201 и далее, и Спиридович, «Великая война», том III, стр. 177 и далее.

⁵ В частности заговоры, задуманные в Тифлисе в окружении великого князя Николая Николаевича. См. его замечание князю Всеволоду Шаховскому, стр. 215 и далее.